

КРУГ ЧТЕНИЯ И ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОГО СТУДЕНТА

Условное понятие *круг чтения* отражает те элементы лексикона современного человека, которые связаны с прочитанными текстами. Оно неразрывно связано с рассмотренными ранее понятиями *прецедентные тексты* и *культурная грамотность*¹. Безусловно, именно круг чтения в значительной степени характеризует уровень культурной грамотности. Художественные тексты, составляющие круг чтения наших современников, во многом определяют качество и количество цитатного материала, бытующего в письменных текстах и устных произведениях. Выявить круг чтения современного россиянина можно, определив набор прецедентных текстов художественной литературы, которыми оперирует средний носитель языка сегодня. Изучение взаимосвязи понятий *круг чтения* и *языковая способность* позволяет установить, каким образом количество и качество прочитанных текстов влияет на способность носителей языка создавать и воспринимать тексты.

Наличие или отсутствие ассоциаций, связанных с образами, именами, транслируемыми классическими текстами художественной литературы, с фактами жизни и творчества писателей, определяет уровень языковой способности человека, обуславливает возможность свободно и естественно чувствовать себя в культурном пространстве, например, в пространстве СМИ, где активно используются многие прецедентные феномены. Обязательные знания, связанные с литературой как частью культуры, должны входить в информационную базу носителей языка, в противном случае возникают проблемы адекватного восприятия текстов.

Привлекают внимание многочисленные примеры употребления в СМИ имен героев художественных произведений, предполагающие для адекватного восприятия информации определенные фоновые знания читателя. Так, на телеканале «Петербург» передача, рассказывающая о том, что, в связи с развитием инфраструктуры новых районов, жители окраин все реже посещают центр города, заканчивается фразой: *«Помните, центр построен не только для Карениных и Вронских, но и для Мармеладовых и Раскольниковых»* («Петербург», 10.05.04). Телезрителю для адекватного понимания смысла высказывания необходимо иметь представление о социальном статусе героев романов Толстого и Достоевского.

Приведем еще ряд примеров, для восприятия которых необходима актуализация тех компонентов ассоциативно-вербальной сети, которые связаны с кругом чтения.

Надо сказать, приготовление грога, пунша или глнтвейна требует определенной внимательности и соблюдения ряда требований... Рецепт «Петербургского пунша» вызывает в памяти известное стихотворение *Игоря Северянина «Ананасы в шампанском»* и прочее-прочее... На шесть порций одного напитка потребуется бутылка сухого шампанского, 40 мл вишневой водки, 20 мл коньяка, 250 г сахара и небольшой спелый ананас (Журнал PRO. 2003/2004. № 6).

---

¹ См.: Козырев В. А., Черняк В. Д. Речевой портрет современного студента: культурная грамотность // Вестник Герценовского университета. 2007. № 9. С. 21–25.

И вскоре после этого в письмах Ники зазвучала интонация, опасная для будущего российского престола. Наследник цитировал «*Тараса Бульбу*» и неосторожно замечал: «*Вспомни, что сделал Андрей, полюбивший польку!*» Между тем, при дворе говорили о будущем браке «Ники» и принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской (Журнал Pulse. 2004. Март).

Ведущая телевизионного шоу представляет певицу: «И как мы только ни называли ее в наших передачах: и *Джульетта*, и *Изольда*, а все потому, что у нее есть свой *Ромео*, *Тристан*» (Канал ОРТ. 16.04.04. Передача «Фабрика звезд»).

Водитель на автозаправочной станции высказывает свое мнение о качестве бензина: «Новых автозаправок много, а вот... Разбавляют... Значит, *не все в порядке в Датском королевстве*» (ТВ. «Петербург». 12.04.04. Передача «Петербургская хроника»).

Из огромного количества развлечений, которые дарит своим гостям Маврикий, нельзя не отметить охоту на марлина — огромную рыбу, *похожую на меч-рыбу, такую же, как у Хэмингуэя в его повести «Старик и море»*... Это именно охота, а не рыбалка, поскольку с момента, когда марлин заглотнет наживку и до того, как он сдастся на милость победителя, пройдет не менее шести — восьми часов... Этот период — необычайно азартная борьба, и она принесет ни с чем не сравнимое удовольствие (Журнал «Петербург на Невском». 2004. № 02/03).

Над домами уже колыхались серо-синие сумерки, душные, как бильярдная. Ева и в самом деле еще чувствовала сладкую слабость, заставлявшую безвольно клониться к нему.

— *Людоед. Туземец. Пятница. Папуас чертов*. Только дырок в ушах не хватает. Нет, нет. Ты хуже дикаря... Сколько раз я тебе говорила — сними эту дурацкую цепь (Ф. Волос. Мутуон // Новый мир. 2002. № 1).

Чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и его концептосфера. Имеет значение не только осведомленность в разных областях и богатство эмоционального опыта, но и способность быстро извлекать ассоциации из запаса этого опыта, таким образом, концептосфера — это потенциалы, открываемые в словарном запасе отдельного человека и в языке в целом. В концептосферу, наряду с другими концептами, входят имена писателей, литературных героев, названия произведений, которые способны порождать концепты. Так, произнося имя *Обломов*, мы можем реализовать три употребления этого слова, различных по смыслу и потенциам: либо название произведения Гончарова, либо имя героя этого произведения, либо определенный тип человека. Концептосфера, в которой живет любой национальный язык, постоянно обогащается, если есть достойная его литература и культурный опыт. Ассоциации носителей языка, связанные с кругом чтения, позволяют делать выводы как об индивидуальной персонификации личности, так и об уровне языковой способности.

Для выявления компонентов ассоциативно-вербальной сети носителя языка, отражающих круг чтения, методом сплошной выборки из 6 томов «Русского ассоциативного словаря» (массовый ассоциативный эксперимент проводился в студенческой аудитории) были выявлены ассоциации, непосредственно обусловленные прочитанными литературными произведениями или передаваемыми от поколения к поколению «наивными» сведениями о русской и мировой литературе. Так, в статье на слово-стимул *мальчики* появилась реакция «*чеховские мальчики в гимназических шинелях*», свидетельствующая о том, что реципиент знаком с рассказом А. П. Чехова.

Среди ассоциаций на слова-стимулы на букву «Б» выявлены следующие, с очевидностью связанные с кругом чтения: бабочка — *Бредберри*; балбес — *Митрофанушка*; бедный — *Йорик*; белый — *Бим* (реакция относится к числу наиболее частотных); борода — *Карбаса-Барабаса, Черномора*; быть — *или не быть* (одна из самых частотных реакций), *Гамлет, Шекспир*.

Реакции, связанные с кругом чтения, можно условно разделить на объективные, объективно-субъективные и субъективные. Объективные реакции — это реакции, «запрограммированные» в сознании личности литературой и проводниками ее образов — школой, СМИ. Они известны и понятны подавляющему большинству членов национального общества в силу своей клишированности (война — *и мир*; преступление — *и наказание*; отцы — *и дети*; мастер — *Маргарита*; двенадцать — *стульев*; голова — *профессора Доуэля*; горб — *Квзимодо, Виктор Гюго*). Объективно-субъективные реакции понятны любому образованному носителю языка, но не являются частотными (дверь — *Фонвизин*). Субъективные реакции уникальны, они свидетельствуют об индивидуальном читательском опыте, об индивидуальном восприятии творчества того или иного писателя, поэтому не всегда объяснимы. Это обычно нечетко детерминированные реакции (деятельный — *Горький*; возить — *Маяковский*; вспоминать — *Лермонтова*; гордый — *Горький, Данко*).

Частотными оказываются объективные реакции, когда стимул полностью совпадает с названием произведения. Реципиент в таком случае реагирует либо именем автора, героя, либо яркой художественной деталью: воскресение — *Л. Н. Толстой*; лес — *Островский*; мать — *Горький*; мы — *Евгений Замятин*; нос — *Н. В. Гоголь*; памятник — *Пушкин*; процесс — *Манн*. Актуализация связей, мотивированных кругом чтения, наблюдается и тогда, когда на название одного произведения реципиент реагирует названием другого произведения того же автора: воскресение — *Анна Каренина*; нос — *шинель* (такие реакции могут свидетельствовать и о наличии «литературного контекста» в сознании испытуемого, и о пробелах в школьном образовании).

Стимул может совпадать лишь с частью названия произведения. Реципиент обычно реагирует другой частью как элементом словесной формулы: король — *Лир*; дети — *капитана Гранта*; мастер — *и Маргарита*; слово — *о полку Игоре*; тихий — *Дон*; ночь — *перед Рождеством*). Можно отметить и ряд обратных реакций (реципиент реагирует на стимул, совпадающий не с началом названия произведения, а с его конечной частью): ярость — *Шум и ...*; сердце — *собачье*.

Объективно-субъективные реакции закономерно возникают в тех случаях, когда стимулом является название какого-либо характерного предмета, действия, места, явления, играющего важную роль в развитии сюжета произведения, характеристика героя: балбес — *Митрофанушка*; бездушный — *Дон Жуан*; гнев — *Тараса Бульбы*. Стимулом может быть яркая деталь, с которой ассоциируется творчество того или иного автора, значимый компонент прецедентного текста: бедствовать — *Достоевский*; гражданин — *Маяковский*; дверь — *Фонвизин*; дом — *который построил Джек*. В ряде случаев даже форма слова, его фонетический облик могут вызвать ассоциации, связанные с кругом чтения: молчать — *Молчалин*.

К субъективным реакциям, связанным с кругом чтения, можно отнести, например, следующие: великий — *Пушкин, Шекспир*; заносчивый — *Базаров*; думаешь — *как Толстой*; личность — *Солженицын*; знакомый — *Бунина*.

Анализ материалов «Русского ассоциативного словаря» убеждает, что большая часть реакций, связанных с кругом чтения, относится к числу объективных. Они соотносятся с корпусом общеизвестных прецедентных текстов. В круг чтения входят классические русские и мировые хрестоматийные произведения, тексты текущей литературы. Наиболее актуальными в языковом сознании оказываются имена писателей XIX в. (*Пушкин, Гоголь, Толстой*), названия произведений и их персонажей (*Молчалин, Обломов, Плюшкин*). Многие реакции являются свидетельством существования в сознании носителей языка устойчивых словосочетаний, клише (*Пушкин — великий русский поэт*). Классические тексты, изучаемые в школе, составляют костяк фоновых знаний человека.

Совершенно определенно можно отметить, что имя Александра Сергеевича Пушкина в качестве реакции на различные стимулы занимает ключевое место. Приведем словарную статью на имя *Пушкин* из третьего тома «Русского ассоциативного словаря». В ней представлены различные направления ассоциаций, актуализирующие в сознании языковой личности ассоциативное поле *поэзия*:

поэт, Лермонтов, стихи, А. С., гений, Александр, Онегин, писатель, Александр Сергеевич, бакенбарды, великий, книга, 19 век, Ахматова, в руке его всегда словарь лежал, в Царском Селе, великий поэт, великий русский поэт, веселый, всадник, глаза, Годунов, дуэль, Евтушенко, живой, К Керн, красота, кучерявый, Медный всадник, мой, Мусин, Мцыри, на юге, памятник писал, прекрасно, природа, пушка, с нами, сказка, стихотворец, талант, терпеть не могу, убит, царь Салтан, я что ли.

В различных ассоциативных полях фактические знания о творчестве Пушкина преломляются через эмоциональное восприятие личностью произведений Пушкина, обогащаются индивидуальными ассоциациями, отражающими читательский опыт. В восприятии носителей языка имя А. С. Пушкина прочно связано с такими произведениями, как «Выстрел», «Метель», «Евгений Онегин», «К Керн», «Пророк», «Борис Годунов», «Сказка о царе Салтане», «Бахчисарайский фонтан», «Медный всадник», что находит отражение в «Русском ассоциативном словаре».

Список авторов, воспроизводящий круг чтения усредненной языковой личности, по материалам «Русского ассоциативного словаря», довольно обширный (свыше 100 фамилий). Прежде всего, это классики русской литературы: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чернышевский, Чехов, Горький, Маяковский, Ахматова, Есенин, Блок, Булгаков, однако общий список свидетельствует о достаточно широком круге чтения студенческой молодежи в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. (время проведения массового ассоциативного эксперимента): Бунин, Гранин, Гумилев, Набоков, Окуджава, Пастернак, Пиккуль, Рождественский, Северянин; Дефо, Джек Лондон, Драйзер, Дюма, Мопассан, Моэм, Оруэлл, О. Уайльд, О. Генри, Толкиен, Уэллс, Хейли, Хэмингуэй, Чейз и др.

Велико число появившихся в качестве реакций имен литературных персонажей: Айвенго, Ассоль, Атос, Базаров, Бальзаминов, Бендер, Ватсон, Герасим, Иудушка, Карлсон, Квазимодо, Лужин, Мышкин, Пуаро, Сальери, Сильвио, Скарлетт, Чонкин, Шариков и др.

Показательно также большое число названий различных произведений русской и зарубежной литературы, свидетельствующих о широте круга чтения усредненной языковой личности: «Голова профессора Доуэля», «Дама с камелиями», «Дар», «Двенадцать стульев», «Двенадцать», «Дворянское гнездо», «Дети капитана Гранта», «Женитьба Бальзаминова», «Живой труп», «Жизнь Клима Самгина», «Князь Серебряный», «Маленький принц», «Мы», «Обрыв», «Повелитель мух», «Повесть о настоящем человеке», «Потерянный рай», «Поющие в терновнике», «Раковый корпус» и др.

Таким образом, материалы «Русского ассоциативного словаря» дают обобщенное представление о достаточно широком круге чтения российского студента 90-х гг. XX в.

Следует отметить, что круг чтения при сохранении базовых культурных констант меняется от поколения к поколению. Об этих изменениях свидетельствует, в частности, сопоставление материалов «Русского ассоциативного словаря» и хронологически отстоящего от него почти на четверть века «Словаря ассоциативных норм русского языка» под редакцией А. А. Леонтьева.

В «Словаре ассоциативных норм русского языка», отразившем языковое сознание студенческой молодежи 70-х гг. XX в., на слово-стимул *книжка*, помимо прочих, представлены следующие ассоциации, связанные с кругом чтения: «*Война и мир*», «*Встань и иди*», «*Мать*», «*Живые и мертвые*», «*Поднятая целина*». Это имена классиков XIX в.: *Пушкин*, *Достоевский*, *Лермонтов*, *Толстой*, *Чехов*, *Диккенс*. Из писателей XX в. у носителей языка

со словом *книжка* прочно ассоциируются имена классиков советской литературы — *Горького, Маяковского, Гайдара*. Зарубежная литература представлена именами *Гете* и *Диккенса*. Ассоциации-названия литературных произведений также отражают круг текстов XIX–XX в., которые изучались в средней школе: «*Война и мир*», «*Мать*», «*Поднятая целина*», «*Живые и мертвые*». Из литературных героев реципиентами был назван только *Павел Корчагин*. Таким образом, из 17 «литературных» реакций 7 связаны с литературой советской эпохи, с текстами, которые были предметом обязательного школьного обучения.

Сравним приведенные материалы с материалами «Русского ассоциативного словаря» (1994), в котором на тот же стимул *книжка* появились следующие реакции: *12 стульев, Белый, Бестужев, Мастер и Маргарита*. Бросается в глаза сокращение круга «литературных» реакций по сравнению с предыдущим словарем почти в два раза и изменение круга актуализируемых текстов.

Можно предположить, что мощные социокультурные изменения на рубеже XX–XXI вв. затронули и круг чтения молодого человека.

Для выявления элементов круга чтения в языковом сознании современной молодежи нами был проведен ассоциативный эксперимент, в котором участвовало 140 студентов (80 студентов экономического факультета и 60 студентов-филологов). Студентам были предложены анкеты, в которых в качестве слов-стимулов были даны слова, имеющие устойчивые связи с наиболее актуальными литературными текстами, а также некоторые имена собственные. Каждый участник эксперимента, получив анкету, должен был заполнить ее, написав против каждого стимула первое пришедшее ему на ум слово, вызванное в его сознании этим стимулом.

Анализ результатов эксперимента позволил выявить стимулы, которые напрямую связаны с литературой, т. е. первая и наиболее частотная реакция на эти слова-стимулы является прецедентным текстом или прецедентным именем. См.: *коробочка — Гоголь, «Мертвые души», Чичиков*; мелкий — *бес*; бесы — *Достоевский*; нос — *Гоголь*; толстый — *и тонкий*; потерянный — *рай*; однажды — *в студеную зимнюю пору*. Менее частотны, но также свидетельствуют о круге чтения реакции: *страдание — Юного Вертера*; *хижина — Дяди Тома*; *детектив — Шерлок Холмс*; *маскарад — Лермонтов*; *чайка — Чехов*.

Слова-стимулы, заданные именами писателей, и реакции на них представляют устойчивые и частотные ассоциативные блоки: *Максим Горький — «Мать»*; *Александр Грибоедов — «Горе от ума»*; *Иван Крылов — басни*; *Борис Пастернак — «Доктор Живаго»*; *Андрей Платонов — «Котлован»*. «Поставщиком» клишированных ассоциаций является, прежде всего, школа, в значительной степени формирующая языковую способность носителей языка. Чем дольше и подробнее изучается автор в школе, тем больше вероятность устойчивой ассоциативной связи.

В целом же анализ результатов эксперимента свидетельствует об уменьшении круга чтения, о несомненном сокращении количества ассоциаций, связанных с литературой. В связи с этим более острой становится проблема культурных лакун. Так, реакции на стимул *Андрей Битов* свидетельствуют о несомненной лакуне в языковом сознании испытуемых: *бита, козел, равнодушие, пустота, духота, США, бейсбол, повесть, писатель, Пушкин*. Отказ десяти испытуемых дать ответ на предложенный стимул указывает на отсутствие данной персоналии в языковом сознании современных студентов. Самой частотной реакцией оказывается слово *бита*, основанная на формальном, фонетическом сходстве со словом-стимулом. См. также: *Василий Розанов — драматург, актер(?)*, *парник, огород, шиповник, философ*.

Не вызвали адекватных реакций следующие имена: *Иосиф Бродский, Сергей Довлатов, Алексей Толстой, Андрей Белый, Андрей Вознесенский, Ольга Берггольц, Николай Добролюбов, Николай Некрасов, Андрей Платонов*.

Круг чтения и языковая способность российского студента

Косвенным свидетельством наличия лакун в языковом сознании испытуемых являются «неверные» реакции, свидетельствующие о смешении элементов персониферы. Например, на стимул *Алексей Толстой* появилась реакция «*После бала*», на стимул *Максим Горький* — «*Детство. Отрочество. Юность*», на стимул *Дориан Грей* — *Алые паруса, писательница*, на стимул *Павел Корчагин* — *печки топил*, на стимул *Дубровский* — *Капитанская дочка, дырки в картине*.

Стимул *Юрий Лотман* вызвал разнообразные ассоциации у студентов филологического факультета: *Юрий Лотман — Пушкин, лекции, литературоведение, ученый, писатель, Тарту, университет, дорогие книги, желтый, много, комментарии к «Евгению Онегину», критик, «Евгений Онегин», культура, филфак, пространство, исследователь, интеллигент, I том, книга, семиотика, конспект, древнерусская литература, умный, статья, литературовед, читать, делать, мысль, Успенский, тьма, критик, I*. В то же время это имя оказалось абсолютно неизвестным студентам-нефилологам.

Можно сколь угодно пространно и абстрактно рассуждать о непреходящей силе словесно-художественных ценностей, но при этом важно понять: что же действительно (какие тексты, какие строки и строфы, образы и мотивы) сохраняет долгосрочная память читателей разных возрастов; насколько эта память устойчива и благодарна; станут ли нечитатели «заочными» носителями отдельных фрагментов литературной памяти прежних эпох. Перед нами открывается большая и драматически сложная по своему содержанию гуманитарно-педагогическая проблема.

Приведенный выше материал, демонстрирующий культурные лакуны, обусловленные недостаточным количеством и разнообразием «присвоенных» личностью текстов, органично вписывается в эту гуманитарно-педагогическую проблему. Постоянный «мониторинг» круга чтения студентов и школьников представляется важным для определения характеристик современной образовательной среды и уровня культурной грамотности конкретной личности.